

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

О.В. РОДИОНОВА

Неопатерналистское государство как оптимальная модель современного социального государства

В статье анализируются проблемы радикальной модернизации социального государства на современном этапе. В рамках научной дискуссии доказывается, что в контексте глобализации социальное государство унифицируется и модифицируется в “государство возможностей” (неопатерналистское государство). Предлагается новая диахронная типология социального государства, в контексте которой раскрывается понятие “неопатерналистское социальное государство”. Обосновываются принципы и новые методы осуществления социальной функции современного государственно организованного общества. Анализируется проблема приватизации социального государства.

Ключевые слова: социальное государство, государство возможностей, социальная функция, приватизация, неопатерналистское государство.

The article analyzes the problem of welfare state radical modernization in the modern period. In the form of scholarly dispute it is proved that welfare state is being unified and modified into the “state of opportunities” (New Paternalistic state) within the framework of globalization. A new diachronic typology of welfare state is proposed, which serves to define the concept of “new paternalistic welfare state”. Principles and new methods of implementation of social function of modern state-organized society are justified. The problem of welfare state privatization is analyzed.

Keywords: welfare state, state of opportunities, social function, privatization, new paternalistic state.

Социальное государство как явление, как специфическая деятельность государственно организованного общества волнует умы ученых не первое столетие. Но, как показывают публикации последнего времени, к какому-то единому мнению по данному вопросу исследователи не пришли (см. [Гафуров, 2009, с. 5–14]).

Как зрелая форма организации социальное государство возникает и развивается в рамках индустриального общества. Казалось бы, своего апогея оно должно было достигнуть в постиндустриальном обществе. Но этого не случилось и причин тому много. Как всякое общественное явление социальное государство подвержено влиянию самых различных факторов: это определенный историко-культурный контекст, в котором существует конкретное государство, тот или иной политический режим, степень развития и состояние экономики государства и многие другие, менее значимые детерминанты.

Уже около двух десятилетий социальная политика Российского государства подвергается определенным изменениям, которые значительно модифицировали советское социальное государство. Определяющим фактором стал новый политический режим и, соответственно, изменившийся в целом политический курс России. (Но следует отметить, что модификация социального государства – тенденция общемировая.) Смысл и направление этих перемен трактуются по-разному. Подводя итог изучению изменений в структуре, функциях и характере социального государства в середине 1990-х гг., Г. Эспин-Андерсен (его синхронная типология социального государства получила ныне наибольшее распространение) приходит к выводу, что практически везде политические силы сохраняют принципы социального государства. Изменение количественных признаков социальной деятельности не носит принципиального характера [Esping-Anderson, 1996, p. 265–266]. Но другие исследователи считают, что подобные изменения предполагают концептуальный пересмотр основных принципов и всей теории социального государства, трансформирующих традиционную систему ее категорий (см. [Gilbert, 2002; Glennerster, 1999, p. 1–13]).

Каковы бы ни были разногласия относительно глубины и последствий происходящих перемен, большинство аналитиков социального государства признают, что к реформам подобного рода приводит потребность в *универсализации* социального государства, когда национальные рамки становятся тесными и государства входят в сферу конкуренции глобальной экономики. В этих условиях полагает, например, Ш. Марклунд, реформирование системы социального обеспечения в Швеции должно способствовать увеличению производительности и конкурентоспособности экономики государства [Marklund, 1992, p. 10]. Большинство исследователей и политиков выступают за так называемое “движение к государству социальных инвестиций”, к “государству возможностей” (см. [Gilbert, 2002; Powell, Hewitt, 2002]) (*неопатерналистскому государству* – термин мой. – О.Р.)¹, подчеркивая *приоритет государственных капиталовложений в человеческий капитал над предоставлением обычных социальных пособий*, что, по сути, представляет собой *преобразования в сфере методов осуществления функций социального государства*.

Если в качестве критерия использовать *способ (или метод) осуществления* социальной функции, то можно выделить следующие исторические типы (диахронная типология) социального государства: этап *становления социального государства*; *патерналистское социальное государство*, для которого характерна максима “каждому по потребностям, определяемым стандартами конкретного общества”; *неопатерналистское социальное государство*, которое находится в стадии становления. Неопатерналистское социальное государство предполагает иные, нежели прежде, цели социальной функции: скорейшее всемерное включение трудоспособных граждан в сферу труда, в отличие от цели социального государства прежнего патерналистского типа, в рамках которого осуществлялась (и в ряде случаев продолжает осуществляться) забота обо всех нуждающихся гражданах. И хотя тенденции неопатерналистского социального государства прослеживаются ясно и четко, процесс его становления в целом еще не завершен, и сегодня говорить о нем как о реально существующем сформировавшемся феномене преждевременно.

Новый исторический этап развития социального государства можно обозначить как *неопатерналистский*: современное государство не отказывается в помощи (в патронаже) своим гражданам, оказавшимся в трудной ситуации, но осуществляет эту помощь новыми способами – не в форме прямых и долгосрочных выплат по безработице, например, а в форме финансирования затрат по приобретению второй, третьей, четвертой специальности и стимуляции скорейшего включения реципиента в трудовую деятельность. (Речь идет исключительно о трудоспособных гражданах.)

¹ В настоящее время этот термин широко используется как в юридической науке, так и в преподавании юридических дисциплин в вузах. Современное социальное государство по сути своей остается патерналистским, но использует иные методы социальной помощи. Неопатерналистское государство – более жесткая модель социального государства.

Характерной чертой реализации социальной функции на современном этапе стала селективность (адресность) социальной помощи и попытки активизировать граждан в плане продуктивного труда на благо государственно организованного общества. Государство понимает отеческую заботу не как прямое содержание граждан, а как предоставление им возможности профессиональной самореализации; оно предлагает трудоспособным гражданам позаботиться о себе самостоятельно, оставляя за собой обязанность патронажа исключительно в отношении тех групп населения, которые не имеют физической возможности сделать это самостоятельно. Таким образом, принцип солидарности как один из базовых принципов социального государства не исчезает, он всего лишь преобразуется в контексте приватизации современной социальной услуги, обеспечивая модификацию социального государства.

Перераспределение ролей в процессе реализации социальной функции от публично-властных структур к структурам гражданского общества (в англоязычной литературе этот процесс называют *приватизацией социального государства* – *privatization of social welfare*) [Gilbert, 2002, p. 16] – важная характеристика происходящих перемен.

Приватизация социальной услуги поощряет солидарность, связанную с корпоративным и семейным членством, поощряются индивидуальные пенсионные счета, но все это может отрицательно сказаться на солидарности государства-нации. Активизация гражданского общества в сфере оказания социальной услуги объединяет прежде всего малые группы, тогда как социальная услуга, оказанная публично-властными структурами, порождает чувство сопричастности к государству-обществу. В том случае, если эта услуга сопровождается обязательством работать, такое чувство усиливается. Личный труд – основной источник дохода большинства граждан.

На современном этапе при переходе к неопатерналистскому социальному государству солидарность на уровне государственно организованного общества уступает приоритет солидарности во вторичных группах – профессиональных, религиозных, региональных. Солидарность на уровне государственно организованного общества возможна лишь при условии гарантируемых государством социальных прав, реализуемых, в частности, в виде государственных пособий и пенсий. Но тот факт, что они будут сокращаться по отношению к корпоративным и индивидуальным пенсиям в соответствии с ориентацией на новое неопатерналистское государство, совершенно непреложно. Причем независимо от типа социального государства (см. [Esping-Andersen, 1990]).

Важно выяснить, насколько существенны происходящие перемены. Можно ли говорить об изменении *парадигмы* современного социального государства, то есть о *радикальных изменениях его сущности*? Попробуем разобраться.

Рыночно ориентированные реформы приводят к приватизации социальной функции, к так называемому “сжимающемуся государству” и “смешанной экономике социального обеспечения”. Формальная рациональность рынка привносится во все сферы деятельности. Более рациональным становится и социальное государство. Изменяется большинство его институтов, акценты смещаются в сторону институтов гражданского общества. Но сегодня многое зависит от того, к какому типу (синхронная типология) социального государства принадлежит то или иное конкретное государство. Либеральные социальные государства сокращают социальную деятельность публично-властных структур и увеличивают объемы ее реализации корпорациями и частными лицами. Здесь эта тенденция явная, прозрачная и не особо камуфлируемая. Самое поразительное свойство реформы социального государства скандинавской модели в 1990-х гг. – масштаб устойчивости и реструктурирования: ни одна страна скандинавской модели социального государства не изменила принадлежности именно к этой модели социального государства, несмотря на сложную ситуацию, обусловленную экономическим кризисом. Но даже в скандинавских социальных государствах еще до кризиса произошел существенный рост уровня приватизации социальной функции, изменились условия выплаты пособий по безработице и т.д. Например, реформа шведской пенсионной системы 1998 г. включала меры по перераспределению 2,5% из 18,5% пенсионных отчислений (это почти 14% от всего объема отчислений в государственную систему) из государственной сис-

темы пенсионного обеспечения в частные вложения на личные резервные счета [Gilbert, 2002, р. 13]. А с октября 2006 г., после прихода в Швеции к власти консерваторов, последовали более активные действия по приватизации социальной функции государства, перераспределению ролей среди ее акторов в сторону структур гражданского общества. Реформирование механизмов защиты от безработицы в Швеции и в Норвегии (социально-демократическая модель, или скандинавский тип) в 1990-х гг. обусловило значительное снижение пособий по безработице. По сути, сегодня *речь идет о модификации социал-демократической модели социального государства*. Происходит смещение акцентов от публичной ответственности за собственное благосостояние к личной. В частности, реформу государственных пенсий многие исследователи оценивают как перемену, при которой меньшая доля отчислений будет отложена на личные инвестиции рисков. У каждого застрахованного появится возможность сохранить определенное количество денежных средств в соответствии с его представлениями о собственной безопасности. Ответственность за банкротство будет лежать на частном лице. Таким образом, социальная политика все более ориентируется на рыночные отношения. И все же, как утверждает в том числе и Н. Гилберт [Gilbert, 2002, р. 14], это – версия старой модели социального государства, а не абсолютно новая модель. Даже в США и Великобритании при администрации Р. Рейгана и М. Тэтчер разрушения *основ* социального государства не происходило вплоть до начала 1990-х гг. (см. [Pierson, 1994]).

До сих пор количественные изменения в аспекте осуществления социальной функции современного государства не переходили в качественные, то есть социальное государство скандинавского типа оставалось таковым по своим основным характеристикам, *не изменялась его парадигма*. Долгое время социал-демократический тип социального государства (особенно в Швеции) был неким образцом для всего остального мира. И возможно, приверженцы этой модели просто не желают истолковывать происходящие изменения как радикальные, то есть здесь имеет место субъективная *оценка* происходящих перемен. Нельзя сбрасывать со счетов и политический момент: признавая радикальным сокращение социальной деятельности, правящая политическая партия расписывается в собственном бессилии. Шведский вариант до 1990-х гг. далеко не для всех был образцом для подражания. У него есть как сторонники, так и противники. Когда говорят о социальном государстве, прежде всего имеют в виду степень защищенности *граждан* от различных рисков: по случаю безработицы, старости, болезни и т.п. Таким образом, важен исключительно *частный интерес*. Но для государства, даже *социального, публичный интерес* – столь же важный фактор, как и частный. Социальное государство скандинавского типа (Швеция, например), на мой взгляд, – тупиковый вариант развития государственности, так как здесь превалирует частный интерес. Государство возводит заботу о своих гражданах в ранг национального культа, обещая “безопасность, надежность и защиту в угрожающих ситуациях, а также организацию и руководство защитой. Шведам нет необходимости зависеть от родни или благотворительности, а тем более от рынка. От колыбели до могилы о них будет заботиться государство” [Церкаевич, 2002, с. 27]. Эти факторы с неизбежностью провоцируют лень, нежелание повышать квалификацию, образование, так как только *необходимость* заставляет людей работать, совершенствоваться в профессиональном плане. В конечном итоге проигрывает государство в целом, так как постепенно будет снижаться общекультурный и образовательный уровень народа. С неизбежностью огромные затраты на публично-властную социальную деятельность непомерным бременем (а ведь нужно учитывать и неблагоприятную демографическую ситуацию в целом и тенденции глобализации в области экономики) лягут на плечи налогоплательщиков, и в результате произойдет реструктуризация социальной функции государства по неопатерналистскому типу.

Сегодня в современном мире происходят изменения в *институциональной системе* социального государства. Возникает его *новая парадигма*. Все более активно используется политика социальных инвестиций, осуществляемая публично-властными структурами взамен политики классического патерналистского социального государства, когда помощь предлагалась всем нуждающимся без исключения и не предпола-

галась “отдача” в какой-либо форме. Например, широко используется перекавалификация невостребованной на рынке труда части трудоспособного населения как форма социальной помощи со стороны публично-властных структур. Впрочем, подобного рода помощь могут оказывать и заинтересованные корпорации, то есть структуры гражданского общества. Так, в 80-е гг. XX в. в Великобритании была реконструирована система технических колледжей. Активизировался союз промышленников и правительства, обеспечивая *консолидированное финансирование колледжей*, без которого осуществлять продуктивную деятельность могли лишь очень немногие технические колледжи. Сегодня в Великобритании частный капитал активно и *систематически* выступает в качестве соактора публично-властных структур в финансировании подготовки необходимых для производства кадров [Powell, Hewitt, 2002, p. 47–48].

Таким образом, наиболее продуктивной оказывается социальная политика, основанная на смешанной экономике социального обеспечения, когда задействованы и публично-властные структуры, и структуры гражданского общества. Неопатерналистское социальное государство – воплощение целого ряда характеристик новой системы социальной деятельности государства. Но, пожалуй, основная из них – формальная и фактическая рациональность, ориентация на рыночные отношения, которые начинают превалировать в социальной политике.

С точки зрения права, социальное государство – абстракция, которая символизирует посредническую функцию между принципами формального равенства и материального равенства. Эта абстракция конкретизируется в социальной функции государственно организованного общества. Но следует различать социальную деятельность государства-учреждения (или публично-властных структур) и социальную деятельность государства-союза (структур гражданского общества). Цель у социальной деятельности государства-учреждения и государства-союза общая: снять социальную напряженность, обеспечить приемлемый баланс между разнонаправленными интересами различных социальных групп; а вот методы различны. Государство-учреждение использует такие методы, как законодательное регулирование, бюджетное финансирование оплаты пособий по безработице, государственных пенсий и т.д. А государство-союз предлагает социальную помощь на базе производственно-промышленных корпораций, частных страховых пенсионных фондов на добровольных корпоративных началах и частную помощь в виде семейной, дружественной, гуманистической поддержки нуждающихся. Причем, в первом случае налицо правоотношение (социальные права гражданина обусловлены обязанностями гражданина, а обязанность государства по социальной защите граждан вытекает из правоотношения гражданства), а во втором – моральное отношение (обусловленное принципами гуманизма, солидарности и т.п.). Сегодня государство-учреждение стремится максимально разгрузить бюджет от обременения расходами на социальную деятельность, максимально передать социальную функцию государству-союзу (пользуясь современной терминологией – *максимально приватизировать* социальное государство). Процесс такого рода приватизации привел к определенной разрегулированности социального государства. Выходы из этой ситуации вариативны.

В последнее время в англоязычной научной литературе появился термин “государство возможностей” (*Enabling State*), с помощью которого можно охарактеризовать сущность перемен в сфере социальной деятельности современных государств. Этот новый приоритет социального государства можно сформулировать как **принцип поддержки публично-властными структурами индивидуальной ответственности за собственное благополучие**. То есть речь идет опять же о перераспределении ролей в осуществлении социальной деятельности: основным актором ее становятся структуры гражданского общества – индивиды, семья, частные корпорации, частные фонды и т.п., а публично-властные структуры осуществляют всемерную поддержку этого рода деятельности, посильно финансируя ее из бюджетных средств, регламентируя ее с помощью законодательства, и т.п. Термин “государство возможностей” вряд ли заменит термин “социальное государство”, по крайней мере, в русскоязычном варианте в рамках теории государства и права в ближайшее время наверняка не произойдет подобных изменений. Да и оснований для этого нет, так как замена одного основного

субъекта осуществления социальной деятельности (или актора) другим сущности данного явления не меняет. Социальная деятельность, понимаемая как поддержка слабо защищенных групп населения, остается прежней. Ради единства в понимании термина “социальное государство” уточню, что под социальным государством понимается именно социальная функция государства, то есть деятельностный аспект государства в сфере социальной защиты нуждающихся групп населения.

Появляются новые институты и новые методы, с помощью которых происходит реализация социального государства: это всевозможные поощрительные выплаты за качественную работу, за ненормированный рабочий день, налоговые льготы, заключение контрактов о предоставлении медицинских, туристических, воспитательно-образовательных услуг, субсидии на обучение, на переквалификацию и повышение квалификации, льготы и кредиты при приобретении жилья в собственность, и т.д.

На мой взгляд, изменения социальной функции государства, происходящие в институциональном плане, обусловлены, в основном, объективно. Хотя элемент субъективного тоже имеет место: это те или иные политические силы, которые во многом определяют институционализацию социальной деятельности государства. Аналитические исследования структурных сил, определяющих динамику социального государства, таких как экономический рост, индустриализация и демографические изменения, связывают ее с теорией конвергенции. Исходя из концепта конвергенции, концепта сближения социальных государств различных типов, следует, что в ответ на перемены, вызванные объективно существующими детерминантами, определяющими динамику социального государства, публично-властные структуры до определенного момента увеличивают бюджетные расходы на весь комплекс институциональных программ, таких как государственная поддержка бедных, социальное страхование престарелых, и т.п. Но глобализационные процессы вынуждают публично-властные структуры оптимизировать социальную функцию путем максимальной приватизации.

Институциональные программы, с помощью которых реализуется социальное государство, в далекой древности выполняли большая семья, церковь, их обеспечивали патриархально-феодалные традиции (речь идет о традициях европейской цивилизации). Сегодня предполагается, что основную нагрузку по реализации социальной функции должны будут выполнять различные структуры гражданского общества. Эта концепция базируется на сходстве, на *общем*.

Но существует позиция, которая рассматривает развитие социального государства в типологическом аспекте. Согласно этой концепции, социальная функция государства институционализируется в зависимости от этнокультурных традиций, уровня развития промышленности, наличия тех или иных социальных групп с различными интересами и их положения на политической арене. Таким образом, здесь акцент делается на *особенном*.

Утверждение, что социальные государства испытывают тенденцию к конвергенции, исходит из теоретических работ 1950-х–1960-х гг., в которых рассматривались взаимосвязи между подъемом индустриального общества и увеличением пособий по социальному обеспечению. Целый ряд компаративистских исследователей, изучив на эмпирическом материале связи между уровнем экономического роста, демографическими изменениями и затратами на социальное страхование, сделали вывод о том, что социальные государства в современном мире имеют тенденцию к сближению. Анализируя принципы развития политики социального обеспечения в Швеции, Норвегии, Германии и Великобритании в период с 1960 по 1993 г., О. Кангас, например, считает, что социальные государства, относящиеся к разным моделям, в определенные периоды проявляют явные признаки конвергенции в рамках современного континуума (см. [Kangas, 1989]). Теория конвергенции с ее технологическим детерминизмом упускает из виду многие моменты, в частности глобализационные процессы, такие как усиливающаяся миграция капитала и рабочей силы, демографические проблемы, наличие той или иной политической партии у руля государственной власти, наличие до 90-х гг. XX в. двух противоборствующих социально-политических систем, и т.д. А сегодня, по большей части, глобализационные процессы – основной сближающий различные типы социального государства фактор.

И если толковать конвергенцию с позиций технологического детерминизма, то не наблюдается прямая зависимость между максимизацией социальной функции и взаимосвязью этого процесса и логикой развития промышленного производства. Но, если теорию конвергенции обосновывать исходя из концепции общесовременной матрицы, из концепции периодизации общественного развития, то можно прийти к выводу о том, что на этапе глобализации явно существует **тенденция сближения различных типов социальных государств, унификации социального государства** в условиях современности.

Весьма сложно выделить “оптимальные” и “минимальные” социальные государства, трудно определить критерии подобной классификации, методы измерений, нормативную гипотезу исследований. Как правило, подобные исследования базируются на том, что государства, затрачивающие наибольшую часть своего ВВП на социальное обеспечение, являются лидерами, а все остальные – аутсайдерами. При измерении деятельности по социальному обеспечению как прямой зависимости от затрат на социальное обеспечение, деленных на ВВП, не принимается во внимание взаимодействие затрат и потребностей. Так, государство с низким уровнем безработицы, низким процентным содержанием престарелого населения и неполных семей и относительно малым количеством малообеспеченных будет тратить меньшую часть ВВП на программы по социальному обеспечению, чем государство, в котором эти показатели высоки, но степень “социальности” первого государства может быть выше, чем степень “социальности” второго. При этом в большинстве измерений затрат на социальное обеспечение не учитываются способы и уровень налогообложения.

При учете в анализе уровней потребностей и налогообложения рейтинг “социальности” государств может претерпеть заметные изменения. Если не учитывать такого рода детерминанты, можно выявить явные признаки дивергенции между уровнем экономического развития и затратами на социальное обеспечение. Хотя целый ряд экономически и промышленно развитых стран сокращают затраты на социальное обеспечение, методы и объемы такого рода реструктуризации все же несколько отличаются друг от друга.

Сегодня патернализм государства проявляется не в “привилегиях” и дотационных долгосрочных выплатах всем нуждающимся без разбора, не в безоглядном патронаже, а прежде всего в помощи гражданам, желающим включиться в активную трудовую жизнь (переквалификация, обучение и т.п.). Не может государство, сохраняясь как политическая целостность, просто кормить трудоспособных граждан, не желающих работать. Для современного государственно организованного общества наиболее оптимальны *компромиссные формы решения социального конфликта*. Но по сути, социальная функция государства и является таким компромиссом, так как для государства важны интересы всех социальных групп. Об этом еще в начале XX в. говорил Г. Шершеневич: «Для обеспечения мира внутри, необходимого для внешней безопасности, государства вынуждены были отказаться от политики невмешательства и прийти на помощь слабейшему, облегчить несколько его положение и тем смягчить его ненависть к господствующим классам, а вместе и к охраняющему его государству. Отсюда так называемое социальное законодательство, вытекающее из новой задачи государства. Отсюда все большая демократизация государств. На горизонте обрисовываются, хотя еще не ясно, черты “социального государства”» [Шершеневич, 1911, с. 250].

Совокупность всех перечисленных факторов определяет тенденции развития социальной функции государства, характеризующиеся модификацией методов ее осуществления, сокращением бюджетных расходов на ее реализацию, а также движением социального государства от патерналистского (государства всеобщего благоденствия) в сторону современного **неопатерналистского** (государства возможностей).

Предлагаемая парадигма модифицированного социального государства – мера вынужденная, обусловленная демографической ситуацией, условиями квазирынка и прочими факторами, присущими современному обществу. Она, по сути, противоположна парадигме социального государства 60–80-х гг. XX в. Новые социальные условия определяют параметры социальной функции, подчиняющиеся экономическим обстоятельствам, таким как необходимость в многофункциональности трудовых

ресурсов, открытие новых возможностей для частного сектора, воздействие международной конкуренции и наложение лимитов на превышение расходов над доходами. Модифицируется и идеологическая основа социальной функции современного государства: максимизируется стимуляция трудовой активности, концептуально обособляется приватизация социальной функции. Новая парадигма социальной функции современного социального государства – полная альтернатива парадигме социальной функции патерналистского социального государства скандинавского типа. Новое неопатерналистское социальное государство нацелено на поддержку трудоспособного населения и предполагает смещение акцентов с государственной ответственности за благополучие трудоспособных граждан на корпоративную и личную ответственность. Если в патерналистском социальном государстве основным субъектом осуществления социальной функции были публично-властные структуры, то в современном неопатерналистском социальном государстве активизируется приватизация услуг по социальному обеспечению, и *консолидированным субъектом ее осуществления* являются структуры и гражданского общества, и публичной власти. Хотя некоторые авторы высказывают недовольство приватизацией социальных услуг. Таково, например, утверждение В. Вишнякова: "...смещение государственных и коммерческих функций на базе государственной собственности ведет к тому, что социальное государство выходит за конституционные рамки своего социального назначения. В процессе использования государственной собственности должны достигаться социально значимые результаты, удовлетворяться важнейшие социальные права граждан. Если же эта собственность используется не целевым путем, с нарушением конституционных принципов, она утрачивает свое основное качество" [Вишняков, 2004, с. 18].

В приведенной цитате речь идет о коммерциализации таких социальных сфер, как образование, здравоохранение, жилищно-коммунальные услуги. Но когда мы говорим о модификации социальной функции, мы не имеем в виду полный отказ от финансовой помощи государства в этих сферах. Опыт Великобритании подсказывает, например, такие возможности ее преобразования, как *частичное* финансирование государством оплаты медицинских услуг, предоставление государством кредитов для оплаты высшего и среднего специального образования на льготных условиях, и т.д.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Хотя социальное государство как институт и как форма деятельности не исчезает, оно активно модифицирует методы своей реализации в соответствии с требованиями времени. Этот процесс объективен, обусловлен множеством факторов и происходит в любом социальном государстве, в том числе и в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишняков В.Г. Конституционные основы социального государства // Журнал российского права. 2004. № 8.
- Гафуров З.Ш. Социально-правовое государство: причины возникновения, объективные основы, противоречивая сущность // Государство и право. 2009. № 4.
- Церкасов Л.В. Современные тенденции конституционной политики в странах ЕС. СПб., 2002.
- Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1911.
- Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.
- Esping-Anderson G. Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies. London, 1996.
- Gilbert N. Transformation of the Welfare State. Oxford, 2002.
- Glennerster H. Which Welfare States Are Most Likely to Survive // International Journal of Social Welfare. January 1999. Vol.8. № 1.
- Kangas O. Public and Private Pensions: the Scandinavian Countries in a Comparative Perspective. Swedish Institute for Social Research. 1989.
- Marklund S. The Decomposition of Social Policy in Sweden // Scandinavian Journal of Social Welfare. 1992. Vol. 1. № 1.
- Pierson P. Dismantling the Welfare State? Cambridge, 1994.
- Powell M., Hewitt M. Welfare State and Welfare Change. Buckingham, 2002.